

Вид рузаевской усадьбы Струйских

Фамилия Струйских в исторической литературе чаще упоминается в связи с пензенской Рузаевкой. Именно там во второй половине XVIII века Николай Еремеевич Струйский, оставшийся после пугачевского бунта единственным наследником всех родовых имений, выстроил себе замок-дворец по проекту архитектора Растрелли, обнеся его парком и садом, а по периметру глубоким рвом с земляным валом, как и подобает замкам. В этом доме – с зимним садом и оранжереей, с многочисленными комнатами и большим бальным залом, с хорами – доме, изнутри одетом в мрамор и бронзу, слоновую и черепаховую кость, черное дерево и карельскую березу, по роскоши не уступающем столичным дворцам, провел он в затворничестве почти всю свою жизнь. Современники знали его как человека одаренного и незаурядного, начитанного и сведущего в науках, поэта и владельца одной из лучших в стране частных типографий, отличавшегося при этом взрывным нравом, порой очень жестокого. Просиживая часами на «Парнасе», как называл он свой круглый кабинет на самом верху дворца, не допуская туда никого в свое отсутствие, даже слуг, чтобы вытереть пыль, сочинял он свои неуклюжие «еротоиды». «Струйский бросал своего пегаса на такие рывтины, что строки валились, переламывались, и только самому Николаю Еремеевичу удавалось прочитывать эти стихи, заполняя цезуры стонами, междометиями, вздохами и львиным рыком». Честолюбивый поэт читал свои сочинения гостям: *Смертью лишь тоску избуду, Я прелестницей сражен. А владеть я ей не буду? Я ударом поражен. Чувства млеют, каменеют ... От любви ее за раз...* – и ждал похвал. Но гости восторгались чаще оформлением стиха и

Соединенье двух загадок

Перед нами два портрета прелестнейшей из женщин. Один, работы Федора Рокотова, выполненный в 1772 году, принадлежит екатерининской эпохе, с ее славой и величием, блеском и роскошью, дворцовыми интригами и жестоким крепостничеством. Другой ее портрет работы неизвестного художника появился полвека спустя. О Струйской времени первого портрета поэт Николай Заболоцкий написал:

*Ее глаза – как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Ее глаза – как два обмана,
Покрытых мглою неудач...*

Со второй акварели на нас смотрят те же глаза, только умудренные опытом, ясные и оценивающие. Между двумя изображениями одной женщины пролегла целая жизнь, жизнь пензенской и симбирской дворянки Александры Петровны Струйской, в девичестве Озеровой.

А.П. Струйская. С акварельного портрета 1828 года

видом бумаги, на которой он был напечатан. В подвале дома в типографии, на которую хозяин тратил баснословные деньги, стояли печатный станок и сосуды с дорогими красками, лежали сафьян и бархат, стопки превосходной александрийской бумаги, привезенной из Вены и Парижа. Там искусные граверы на меди вырезали виньетки, заставки, рамки и узоры для украшения его стихов, крепостные мастера печатали книги в дорогах переплетах. Они создавались в единичных экземплярах, дарились Струйским тем, к кому он был особенно расположен.

Но лежало на имени Струйского одно позорное пятно. В том же подвале, рядом с типографией, находились пыточные камеры, где жестокий крепостник устраивал суды над своими крестьянами и даже над мелкими чиновниками, изредка по службе заезжавшими в имение. Пензенский губернатор И.М. Долгорукий, бывавший в Рузаевке, писал в дневнике «От этого волосы вздымаются! Какой переход от страсти самой зверской к сочинению стихов!»

Свои высокопарные оды Николай Еремеевич чаще всего посвящал Екатерине II, которую он боготворил. Смерть кумира в 1796 году стала ударом для Струйского, он впал в горячку и умер в возрасте сорока семи лет.

Книги Струйского вскоре стали антикварной редкостью, и сейчас их трудно найти даже в самых крупных книгохранилищах страны. По сведениям сотрудницы редкого фонда Ульяновской областной библиотеки И.М. Егоровой, в 1927 году из книжного собрания В.Н. Поливанова в Пушкинский Дом была вывезена единственная книга Н.Е. Струйского «Епистола императрице Екатерине II», изданная в Рузаевке в 1789 году.

Печатное оборудование в Рузаевке спустя сорок лет после смерти хозяина купило Симбирское губернское правление, и оно еще долго исправно работало в Симбирской типографии.

Полной противоположностью Николаю Еремеевичу была его жена Александра Петровна. Все, кто с ней был знаком, очаровывались ее личностью. Добра, умна, красива. Даже соседка по имению Н.А. Огарева-Тучкова, не любившая их семью, признавала в Струйской ум и любезность. Это мнение разделял и И.М. Долгорукий, писавший о ней: «Александра Петровна была женщина других, чем муж, склонностей и характера: тверда, благоразумна, осторожна... она жила и в Петербурге, и в Москве, любила людей, особенно привязавшись к кому-либо дружеством, сохраняла все малейшие отношения с разборчивостью, примерной в наше время». Говорили, что когда ее муж приступал к своим судилищам, Александра Петровна была не в силах остановить супруга, уезжала из Рузаевки в их отдаленные имения, которые находились у Струйских в разных губерниях, в том числе и в Симбирской. В Карсунском уезде в селе Юрловка им принадлежало 400 десятин земли, в соседнем селе Павловка стоял господский дом, и жили приписанные к нему 54 семьи крепостных. В Симбирском уезде в селе Хохловка (ныне не существует) Струйские владели 500 десятинами земли. В силу затворничества и нервного характера мужа Александре Петровне самой приходилось управлять всеми имениями.

Судьба не баловала эту женщину. За двадцать два года супружества она родила девятнадцать детей, но в живых осталось только восемь: пятеро сыновей и три дочери. После смерти мужа все заботы по их воспитанию легли на ее плечи. Двух подросших дочерей Александра Петровна выдала замуж: Екатерину – за симбирского помещика К.Н. Коптева, Надежду – за тамбовского дворянина Д.П. Свищева, только Маргарита всю жизнь провела рядом с ней: оставшись в девичах, пошла по стопам отца, посвятив себя литературе.

Что до сыновей, то за них ее материнское сердце вволю настрадалось. Будто в отмщение за жестокость отца, судьба оказалась к ним неблагоприятна. После раздела отцовского

наследства в 1804 году разъехались они каждый по своим имениям, предались пьянству и разгулу.

Любимец матери, старший из братьев, Юрий Николаевич жил с крепостной крестьянкой. Незадолго до смерти (1823 г.) через связи в Сенате узаконил с ней брак, дав четырем детям свою фамилию и записав их в дворянское сословие. Они наследовали и имение Струйских в селе Хохловка.

А вот детей другого сына, Леонтия, тоже от крепостной, как ни старалась Александра Петровна, узаконить не удалось. Леонтий больше других походил на отца. «Он был с недурными задатками, но слабый. Водка и прирожденное предрасположение к сумасшествию ослабляли его волю, в пьяные или безумные минуты становился он невыносимым даже собственной матери», – вспоминала его племянница. В один из таких моментов он стал причиной смерти своего управляющего, был осужден и сослан в Тобольск, где и умер на каторге.

Жестокая участь постигла и третьего сына Александра. Как-то во время уединенной прогулки в поле он был зарублен топором собственным крепостным, который незадолго до этого был наказан за воровство и затаял злобу на барина.

После смерти сыновей пришлось Александре Петровне разделить заботу о шестерых внуках. Особенно старалась она скрасить жизнь сыну Леонтия – Александру Полежаеву, самому одаренному из них. На средства бабушки он окончил университет и стал известным поэтом, но за бунтарские стихи, направленные против самодержавия, попал на Кавказ, где вскоре умер от чахотки.

Спустя два года, в 1840 году отошла в иной мир и Александра Петровна. Было ей в ту пору 86 лет.

Со временем разрушился рузаевский дом-дворец, и только портреты Рокотова в Государственном историческом музее напоминают нам о тех, кто вдохнул на какое-то время жизнь в этот прекрасный уголок земли.

Татьяна Громова

В статье использованы материалы научной картотеки литературного музея «Дом Языковых».

Имя Татьяны Громовой известно большому кругу читателей. Выпускница Московского государственного педагогического института, Т.А. Громова с 1978 года работает научным сотрудником Ульяновского областного краеведческого музея. Круг ее научных интересов очень широк: от природы края до генеалогии известных симбирян. Татьяна Алексеевна отыскивает в архивах интересные сведения о наших земляках и знакомит с ними ульяновцев. За последние десять лет подготовила множество научных и более ста популярных статей для печати. В 2003 году вышла ее книга «Городской голова. Л.И. Афанасьев», которая быстро снискала популярность у всех любителей истории и даже у современных политиков.

Татьяна Алексеевна Громова – член редколлегии Ульяновской-Симбирской энциклопедии и журнала «Мономах», безотказный помощник и друг редакции. Журнал гордится тем, что первые шаги в литературу Татьяна Алексеевна делала на его страницах.